

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА 2016

МАЙК ГЕЛПРИН
ИГОРЬ МИНАКОВ
ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ
ЮЛИЯ ОСТАПЕНКО
и другие

СССР-2061

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С75

Серийное оформление художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Иллюстрация на переплете *Е. Лизина*

Составители Арт-сообщество «СССР-2061»

С75   **СССР-2061.** — Москва : Издательство «Э», 2017. —
352 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-93208-5

Будущее, до которого хочется дожить...

Кто бросил клич «Марс — дело общее»? Этот вопрос долго интересовал часть работников Звездного городка. Вторая Марсианская экспедиция с самого начала подготовки ажиотажа не вызвала. Один раз были? Ну и хорошо! Да вот только отмахнуться от желания энтузиастов вплотную заняться освоением Красной планеты официальной советской космонавтике не удалось...

Сборник фантастических произведений о светлом будущем, составленный совместно с проектом «СССР-2061»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Горбов А., Жигмытов Ц., Климова А.,
Погодаев А., Празднова Е., Рагимов М.,
Рамова А., Роу И., Ружда А., Савеличев М.,
Соколов Л., Спящий С., Тверских Ш.,
Цыбиков Ч., Шпаков В., 2016
© Состав и оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-93208-5

ЦОКТО ЖИГМЫТОВ
ЧИНГИЗ ЦЫБИКОВ

В ШТАТНОМ РЕЖИМЕ

вам так скажу, парни: уж на что у нас Томми веселый парень в части что-нибудь разбить или поломать, но с Тимом Нэддоном не сравнится даже он! (Смех, крики «Давай про Нэддона!») А я про что? Вот его портрет на стене; наш Тим — он, конечно, герой, ученый и все такое, но мы тут вроде как все герои, если так посмотреть, или кто хочет сумму контракта показать друг другу, чтоб выяснить, кто круче? Я думаю, когда Тим родился, то мистер и миссис Нэддон называли его примерно так (изображает мужской бас, хмурит брови): Дорогая, может, назовем его Катастрофа? (Фальцетом): Дорогой, что ты, он же наш мальчик, ему же жить с этим именем. Давай назовем его просто Капец! (Смех, аплодисменты.) Имя Тим ему дала чиновница из муниципалитета; уверен, у доброй женщины просто не оказалось под рукой дробовика. Хорошо, что есть космос, Ганимед и пояс Койпера. Космос, храни Америку! Не дай ему вернуться в Штаты!

Но история не об этом, парни! Это настоящая американская история, а значит, в ней не обойдется без русских. (Смех, свист, улюлюканье.) Да-да, а что делать. Эти ребята опять натя-

нули нашу команду в их дурацкий ганимедобол, а знаете почему? Потому что их космическая таможня в Бай-ко-ну-ре не пропускает сюда ящик с бейсбольными битами, они, видите ли, слишком тяжелые. Точнее, половина из них... Нет-нет-нет, я не в этом смысле (изображает удар и падение, смех в зале). Но если мы каждую неделю терпим это унижение, которое они называют соккером, почему бы им пару раз не сыграть в нашу игру?

Но довольно болтовни, в конце концов, русские сейчас не спеша трудятся, чтобы мы в поте лица праздновали Рождество. И вообще, мы с ними одно дело делаем; узнать бы только, какое и нахрена (смех). Значит, все началось прямо за сутки до первого сеанса квантовой связи с «Вояджером». О, чувствуете себя частью истории? Это было три смены назад, когда наше квантовое Зеркало (указывает пальцем вверх) стояло всего на четырех «ножках», как новорожденный теленок, и когда Нэддон был зеленый офицер-техник, ну вот как ты, например (тычет микрофоном в майора Стэнли, смех в зале). Ой, сэр, простите, не узнал, сэр, ганимедская атмосфера, знаете, такая непрозрачная, что... Что? Здесь нет атмосферы? Я подам рапорт в НАСА о краже атмосферы! Как, и воды здесь тоже нет? Тогда какого хрена мы, морпехи, тут забыли? (Смех, свист, крики «Старо!») Знаю, знаю, но не забывайте, что это единственная шутка господина майора, которую он придумал за всю свою жизнь. Имейте уважение. К тому же он меня лично попросил за кулисами (снова изображает удар и падение). Видите, он смеется!

— Ты чего смеешься? — спросил Андрей.

— Что? — переспросил Нэддон. Его голос в динамиках скафандра звучал искаженно и оттого еще более издевательски. Андрей повторил вопрос по-английски.

— Смешно, если сдохнем тут, — ответил американец. — Не подать сигнал — и все.

— Смешно тебе, — согласился Андрей. — Ну подай сигнал, чего ждешь-то?

Нэддон ничего не ответил, и Андрей знал, что сигнала не будет. Ни один морпех ВМС США, пусть даже и техник, не вызовет помощь раньше русского десантника. Кроме того, сигнал означает, что «таблетка», которая их высадила и направилась дальше, ко второй подстанции, развернется на их поиски, потому что оба «ска-та» в ремонте; а это значит, что вторую подстанцию тоже не починят вовремя, потому что они еще не успели до нее допрыгать; а это значит, что Зеркало, висящее далеко-далеко над их головами, будет работать на двух оставшихся «Ногах», то есть нестабильно. Что последует далее, Андрею даже думать не хотелось. Да и образования не хватало. Правильно Глазков говорит: наберут здоровых, а спрашивают как с умных...

И завтра, как назло, первый в мире сеанс квантовой связи с «Новым Вояджером». А без Зеркала связи не будет. То есть об их позоре узнает вся планета. Вся планета и ее окрестности.

— Дойдем до трассы, — сказал Андрей. — Подождем «таблетку» там, они как раз будут

возвращаться обратно со второй «Ноги». Потом на ней вернемся на базу, а оттуда возьмем еще людей и вытащим подстанцию обратно.

— Это что есть? Аутотренинг? — спросил Нэддон. — Я понял твой план. Обычный русский план.

— В смысле, «обычный русский план»? — переспросил Андрей.

— Ваша страна не ценит личность, — сказал Нэддон. — Не цените сам каждый себя. И каждый готов умереть, чтобы не... чтобы не fuck up другие.

— А у вас не так?

— У нас рационально, — ответил техник. — Привезти морпеха сюда — сто миллионов нью долларс. Привезти техника, такой, как я, — пятьсот миллионов нью долларс. А мы погиб, потому что ты упрямый. Твоя страна работала, чтоб тебя сюда привезти. На Ганимед. Огромный труд, много работы. Как вы измеряете работа?

— В рублях, как, — мрачно ответил Андрей. — На вес.

— Миллиард рублей! — веско сказал американец. Он не понял.

— Так вызывай подмогу, — предложил Андрей. — Сэкономишь.

Нэддон снова не ответил. То-то же, злобно подумал десантник, разговоры разговорами, а кнопку первым нажать не хочет. Сам Андрей Тогутов, рядовой ВДВ СССР, разумеется, никакого бедствия не видел и сигналить о нем соответственно не собирался. Штатная ситуация; это не «как в Штатах», а так, как должно быть.

— Завтра квантовая связь с «Вояджером», — сказал он примирительно, старательно выговаривая английские слова. — Надо, чтоб все было ОК.

И аж скривился — стандартные обороты из ускоренного курса не выражали всего, что он хотел сказать. Андрей стал разглядывать пейзаж, расстилавшийся перед ними. Самой заметной и одновременно самой незамечаемой его деталью был, конечно же, Юпитер, занимавший на данный момент почти четверть неба и который советская часть базы, не сговариваясь, называла просто Дурой. По легенде имя сие пошло от майора Глазкова, который в первую пробную вылазку так и сказал во всеуслышание: «Ну и дууура!». Называли его так, впрочем, со всем уважением и опаской — характер у Дуры был вспыльчивый, и минимум раз в месяц вся база отсиживалась в свинцовых кабинках и горстями жрала арадин: газовый гигант, объединившись с Солнцем, сдирал со своего спутника магнитную защиту, подставляя его всем излучениям большого космоса.

В остальном картина была до тошноты монохромной — природа обошлась здесь палитрой рентгеновского снимка. Черное — грунт, белое — лед. Темно-серое — молодой (относительно) грунт, светло-серое — старый (относительно) лед. Грунт, лед и переливающаяся Дура в четверть неба. «Атмосфера хорошая, кислородная, но отсутствует» — тоже из перлов товарища майора...

— «Вояджер», — сварливо протянул Нэддон. — Вот где смысл, понимаю. Вот почему мы

тут сгинуть. «Вояджер», by the way, есть просто железка. А здесь — две человеческий жизни. Что, Эндрю?

— Это же ваш аппарат, американский, — заметил Андрей. — Неужели не жалко будет, если связь не состоится? Зря долетел, что ли? Зря мы тут полгода корячимся? Зеркало это на «Ноги» ставим?

— Screw it, — отвечал Нэддон после короткого раздумья. — Что он сказать интересного? Вэкьюм, пусто!

— Ну интересно же, — ответил Андрей не слишком уверенно. — Посмотреть на этот, пояс Оорта. Откуда к нам каменюки эти прилетают? Ну как в двадцать девятом было? Или в тридцать шестом.

— Well, — произнес американец. — Пояс Оорта, это, надо полагать, что-то среднее между облаком Оорта и поясом Койпера?

Андрей слегка стиснул зубы: поддел, поддел проклятый янкес, что уж тут. Читал же, учил! А что толку? Шагай, обтекай.

— И вообще эта космическая гонка есть зло, — действительно очень зло проговорил техник. — Вы, русские, навязать ее нам, а наше idiotic правительство купилось. Престиж страны...

— Я никому ничего не навязывал, — холодно отвечал Андрей. Он решил, что этот тон будет наиболее правильным. — И правительство тоже. Не хотите — не осваивайте космос, в чем проблема? Других найдем.

— Ну конечно! — воскликнул Нэддон и неожиданно закашлялся. Андрей остановился, огля-

нулся — и облился холодным потом: напарника за спиной не было. Где он?

И сам не заметил, как сдернул с плеча автомат. Ганимед, конечно, необитаем, это мы вроде как усвоили, но куда-то ведь этот чертов янки подевался — или же кто-то его подевал?

— Да, of course, — снова услышал Андрей. — Отличный ход, застрелить меня. Я слева. Careful.

Андрей повернулся налево, одновременно торопливо вешая автомат обратно на плечо. Он увидел Нэддона, который стоял в расщелине, скрытый почти по шею.

— Упал, что ли? — спросил Андрей, приближаясь плавными скачками.

— Нет, — неожиданно коротко и каким-то другим голосом ответил техник. — Эндрю, послушай. Ты помнишь, вокруг «Ноги» такая же штука была?

Он указывал на коричневую полосу на черном грунте, похожую на окалину. Андрей присмотрелся.

— Похоже.

— Ну и ну, — сказал Нэддон отдельно и старательно. Десантнику очень хотелось спросить, что это значит, но он удержался. Ясно же, что опять показывает ему образованность свою. Интересно, лейтенант Мальцев так же гнобит своего американца? — Было бы хорошо, если бы ты выкинул твою пушку, — сказал техник, выбираясь из расщелины. — А то похоже, будто ты есть мой конвой.

— Не надо было свой забывать, — заметил Андрей.

— Я не забывать, — огрызнулся Нэддон. — Я его намеренно оставить на вашей «таблетка».

— Да, да, — сказал десантник. — Конечно.

— А! — Нэддон развеселился неожиданно. — Я понял. Это русская месть! Ты меня хочешь расстрелять перед строем.

— Чего? — опешил Андрей.

— Вы же проиграли в футбол.

Да, братья мои по Ганимеду! Были и такие времена! Времена, когда наша команда могла по своей воле брать реванш в ганимедский соккер у русских. За полторы недели до этого русские выиграли у нас 7:0, и тогдашняя наша сборная решила — мы их укатаем. И они сделали это! (Аплодисменты.) Их подвиг просто не поддается описанию. Ведь что такое ганимедский соккер? Это гигантский гроб из пластиковых решеток размером с три нормальных стадиона, где носятся и сталкиваются двадцать два кабана и один мячик. Господи, они могут отдавать пас от стенки и, господи, они регулярно делают это! (Смех.) Более того, они забивают от стенки, и правила это допускают — и ладно правила, но куда смотрит наш всемогущий американский господь? Это, черт побери, соккер, в конце концов, или снукер для гиперактивных переростков, у которых папа отобрал кий? Представьте, ваша жена скажет вечером: дорогой, у меня голова болит, забей сегодня от стенки!

Наши тогда выиграли всего 1:0, но ведь выиграли! И единственный мяч! от, прости господи и моя будущая жена, стенки или даже потолка! забил наш Тим Катастрофа-Капец Нэддон. А кто

стоял на воротах у русских, да ни за что не догадаетесь! (Крики «Эндрю! Эндрю!») Клянусь, если бы это было не так, я бы это придумал, так что нет разницы, верите мне вы или нет.

Но речь не о нем. Полковник Глазкофф, он тогда был майор, человек бо-ольшой деликатности, пришел после матча в ангар и сказал: ну вы же выиграли, дайте нам «скат»! (Пауза, затем нарастающий смех.) Вот, до кого-то начинает доходить. Я всегда говорил, что русские, это азиаты, а никакие не европейцы. Они уверены, что наши супернадежные, суперсовременные «скаты» ломаются исключительно потому, что техники слишком уж рьяно болеют за свою команду. У русских другой причины быть не может, а? (Изображает русский акцент.) «Ну мы же поставили Эндрю в ворота, чего вам еще надо?»

Но так совпало, что оба ската и правда не работали. Парни, я молюсь, чтобы виной тому действительно были техники, мне скоро ехать на одном из них на дежурство, отрабатывать сегодняшний праздник. *Post hoc non est propter hoc*. Это латынь, что, никто не знает латынь? Господин майор, сэр? О, простите, это была шутка из другого моего выступления, у меня после службы намечены концерты в Гарварде, среди моих коллег, нобелевских лауреатов. У меня там латынь вперемешку со словом «задница», думаю, успех гарантирован.

— «После» — не значить «вследствие», — назидательно произнес Нэддон. — «Скаты» сложные vehicles, а чем сложнее vehicle...

— Зачем тащить на Ганимед сложную машину? — перебил его Андрей. — Вот у нас две «таблетки». Из них одна всегда на ходу. Что, плохо?

Две несуразно квадратные фигуры огромными тяжелыми прыжками передвигались по черному грунту, старательно перескакивая через расщелины и обходя каменные торосы. Они уже вышли из ледяных щупалец кратера Ташметум и, судя по карте, приближались к основной трассе, которая, как и многое на Ганимеде, не была представлена материально, а существовала исключительно в памяти компьютеров в виде оптимального маршрута для «таблетки». Боевая машина пехоты (модернизированная) уже высадила Мальцева с напарником на «Ног-2» и возвращается на базу — как здесь принято, огромными скачками по пять — семь километров каждый, потому что экономия; то еще удовольствие, даже с компенсаторным механизмом. Американские «скаты» идут ровнее, быстрее и горючего почти не жрут: постоянно в ремонте.

— ...Отслужу, учиться пойду, — нарочито беззаботно говорил Андрей. Тим Нэддон двигался все медленнее, и это начинало тревожить. — Если сержанта дадут, то на режиссерский. А так на актерский. Там льготы есть для отслуживших.

— А для неслуживших? — тяжело дыша, спросил Нэддон.

— А неслуживших у нас нет, — ответил Андрей, а сам думал в это время: морпех-то мой не выдохся ли. Кабан, конечно, он здоровый, хоть и техник, но вроде как постарше будет...

— Эндрю, я ОК, — сказал Нэддон. Андрей вздрогнул, хорошо, под скафандром не видно. А американец продолжил: — Посмотри здесь. Не могу видеть.

Десантник плавно затормозил, развернулся и наклонился к плечу своего напарника. Постоял так несколько секунд, затем выпрямился и без лишних слов нажал «экстренный вызов». Легкий толчок: его ранец отстрелил вверх ракету, которая сначала просела, затем по крутой вогнутой траектории пошла вверх; Андрей смотрел ей вслед, по привычке приложив руку козырьком, хотя необходимости в этом не было. «Эвэшка» ушла в точку, незаметную на черном звездчатом небе, затем там вспыхнуло беззвучно красным, затем еще раз и еще, ниже и ниже. Вспышек этих будет ровно десять, и с каждой в эфир идет мощный радиопакет с его позывными и координатами, пробивающий любые помехи — говорят, что его можно поймать даже на Луне.

— Надо же, — спокойно произнес Нэддон. — Спасибо.

— Было бы за что, — пробурчал Андрей. — Почему сразу не сказал?

— Только что заметить, — ответил американец так, что Андрей решил сразу: врет. — Well, теперь ждать «таблетку»? Да?

Андрей коротко рассмеялся.

— Размечтался.

Нэддон не понял.

Андрей объяснил: «таблетка» от того, что получила сигнал бедствия, не станет летать быстрее или рулиться маневреннее. Она остает-